

Ровно в четыре часа прозвенел звонок. Мелодичная музыка возвестила об окончании дополнительных занятий для выпускных классов на этой неделе.

— Не забудьте сделать тестовую часть в тестах по обществознанию, в понедельник будем разбирать! — Ян Энь стояла у кафедры, хлопая в ладоши. Она была высокого роста, под метр семьдесят, с короткой стрижкой и чуть удлинненными прядями на затылке. Кроме понедельников, когда проводилась церемония поднятия флага, школа не требовала обязательного ношения формы. Закатное солнце золотило её рубашку, и, хотя она была девушкой, словосочетание «солнечный красавчик» подходило ей как нельзя лучше.

Ученики 12-го «Б» класса знали это не понаслышке.

Почти каждую неделю у дверей класса околачивались девчонки, надеясь хоть краем глаза увидеть того самого «красавчика», о котором ходили легенды.

Ян Энь уже бесчисленное количество раз объясняла, что она девушка, просто высокая и с короткой стрижкой, но каждый год приходили новенькие, и цикл повторялся.

Почему никто из одноклассников не пресекал это?

На этот счет в классе было единое мнение: все уже давно привыкли и не видели в этом ничего странного.

К тому же, это был отличный способ разжиться вкусняшками от влюбленных фанаток.

Ах ты, Цин Сюй, ну и подставила же ты меня!

Обернувшись, Ян Энь увидела, что староста с короткой стрижкой «под машинку» смотрит на неё с выражением глубокого прозрения: дескать, не ожидал от тебя такого, Ян Энь, ну ты и любительница красоты. Она лишь обреченно прикрыла лицо рукой, глядя в потолок.

— Сестренка.

— Подсолнух.

— Эй! Сестра Цин! — Ян Энь, поняв, что её маленькая хитрость раскрыта, поспешила окликнуть её, но Цин Сюй была уже далеко.

Почему бы и нет?

— Ян Энь, ты так печешься об успехах класса по обществознанию! — прокомментировал староста по математике, с досадой запихивая тетрадь в рюкзак.

Цин Сюй, не отвечая, лишь бросила на неё взгляд, переобулась в тапочки и прошла на кухню.

Янь Минъюй наблюдала, как та двумя пальцами поднесла к её губам виноградину. Она хотела взять сама, но руки были заняты, поэтому, немного поколебавшись, всё же открыла рот. Кисло-сладкий вкус винограда разлился по языку, мякоть была твердой, хрустящей и ароматной, вызывая обильное слюноотделение.

Заметив довольную физиономию Ян Энъ, Цин Сюй поправила очки. Проходя мимо с рюкзаком, она небрежно бросила:

— Да ладно тебе, всё потому, что учитель обществознания — красавица, вот и стараешься.

— А то! Я ведь очень ответственная!

Послышался шум воды из крана. Вскоре она вышла, неся целую тарелку свежего зеленого винограда.

Вечернее солнце ласково легло на её каштановые волосы, заставляя их сиять. Длинные, слегка завитые волосы были собраны, и при каждом повороте головы они мягко покачивались, впитывая последние лучи заката.

Когда Цин Сюй вернулась домой, Янь Минъюй сидела на балконе, что-то старательно вырисовывая на планшете.

Теперь-то ей точно не отмыться...

— Что рисуешь? — Цин Сюй заглянула через плечо.

На планшете едва угадывались очертания цветочной клумбы.

— Нет, эй, Ван Цзюньцзе, что это за выражение лица!

— Я купила фруктов, будешь?

Янь Минъюй покачала головой и, подняв кисть, указала на планшет, показывая, что сейчас занята:

— Я рисую.

Цин Сюй улыбнулась в ответ и помахала пластиковым пакетом, в котором лежало много всякой всячины.

Услышав звуки открываемой и закрываемой двери, Янь Минъюй обернулась.

— М-м, здравствуй, Подсолнух. Я сегодня как раз прочла одну строчку, — Цин Сюй улыбнулась, вспоминая: — Ни иве покорной не быть на ветру, лишь к солнцу подсолнух склоняет главу.

— Тебе нравятся подсолнухи? — спросила Янь Миньюй, нанося фоновый цвет и макая кисть в краску.

Цин Сюй, сидя на краю кровати, ела виноград:

— М-м... да вроде неплохо!

— Подсолнухи рождаются ради солнца, тянутся к нему, они символ верности, стойкости и пылкости. Мне очень нравится их бурная жизненная сила.

Цин Сюй прислонилась к изголовью кровати, задумчиво глядя на профиль Янь Миньюй. Та была полностью поглощена процессом, ставя точки и мазки то здесь, то там.

— Почему ты об этом спросила?

Янь Миньюй выдохнула и решительно провела линию на бумаге.

— Учитель в студии задал задание на размышление: выбрать объект симпатии и с помощью композиции и цвета выразить его качества.

— И что же тебе нравится в подсолнухах? — с любопытством спросила Цин Сюй, продолжая жевать.

— Мне нравится их незрелая юношеская энергия, настойчивое тепло и безмолвная любовь.

Цин Сюй наблюдала за тем, как при упоминании любимого предмета лицо Янь Миньюй светлело, и ей стало понятно, что такое «незрелая юношеская энергия».

Она напоминала всех тех учеников, что идут навстречу утреннему солнцу. Не все они бодры: кто-то зевает, кто-то пребывает в растерянности, но в них есть эта юношеская искра. Когда они сталкиваются с тем, что искренне любят, их лица невольно озаряются радостью.

В воскресенье у обеих было полно дел: одна корпела над текстом речи, другая делала наброски.

Погода стояла хмурая, с самого утра небо затянуло тяжелыми тучами, ветер раскачивал ветви деревьев, предвещая ливень.

— Если завтра будет сильный дождь, церемонию открытия, возможно, отменят.

Цин Сюй перестала печатать, взглянула в окно и вернулась к проверке текста на ноутбуке.

— Правда?

— В наш год её не проводили, сразу началась военная подготовка, — Цин Сюй закрыла ноутбук и потеряла виски. — Но если будет моросить, всё равно заставят стоять под дождем.

Янь Минъюй тяжело вздохнула. Хотя во время военной подготовки уроков нет, но стоять по стойке смирно, делать повороты и маршировать в такую неустойчивую погоду — удовольствие сомнительное.

— Что хочешь на ужин?

— Лапши, — подумав, тихо добавила Янь Минъюй: — Без лука.

— Хорошо. — Цин Сюй довольно улыбнулась, радуясь, что та наконец начала высказывать свои желания, а не отделываться короткими «как хочешь» или «мне всё равно».

Цин Сюй готовила, Янь Минъюй мыла посуду — между ними установилось негласное, вежливое взаимопонимание.

После ужина ветер за окном усилился, заставляя шторы биться о подоконник. Цин Сюй закрыла окно, глядя на грозовые тучи и серые очертания зданий вдаль.

Грянула гроза.

С оглушительным раскатом грома начался ливень. Потоки воды обрушились на землю, стремясь смыть летний зной и пыль.

Однако в комнате было по-прежнему душно, кондиционер работал без остановки.

— Интересно, будет ли завтра военная подготовка... — Янь Минъюй сидела за круглым столом, подперев подбородок рукой, и смотрела на размытый дождем пейзаж.

— Дожди в Сичэне обычно начинаются внезапно и так же быстро заканчиваются, может, к утру уже стихнет.

Всё как вчера: вечером дождь, а днем снова жара. К вечеру становится даже душнее.

Цин Сюй задернула шторы и прошла мимо Янь Минъюй, неся стопку одежды, которую успела снять с сушилки до дождя.

— Эх... не хочется на подготовку... — Янь Минъюй принялась аккуратно складывать свои вещи в шкаф, а зеленую форму для завтрашнего дня повесила на плечики.

— Переживешь неделю — и всё закончится. Говорят, инструкторы в этот раз молодые, должно быть легче.

— Разве они не должны быть строгими?

— В наше время были строгими, но наш классный руководитель постоянно ворчал, что нынешнее поколение учеников слабее здоровьем, мол, если переусердствовать, можно только навредить, — успокоила её Цин Сюй.

Ходили слухи, что раньше в школе военная подготовка длилась две недели, но однажды ученик получил тепловой удар и чуть не погиб, родители устроили скандал, и директору стоило огромных усилий всё уладить. После этого срок сократили до недели, а программу свели к минимуму: строевая подготовка, приветствия да свободное время.

— Кстати, форму примерила? Всё по размеру?

Янь Минъюй вздрогнула:

— Еще нет...

— Тогда бегом примерять, если что-то не так, завтра еще можно поменять!

Подгоняемая Цин Сюй, Янь Минъюй с формой в руках юркнула в ванную. Она прикинула на глаз — вроде должна быть впору, но когда дело дошло до примерки, возникли трудности.

— Сестренка... я не могу разобраться с ремнем.

Какой-то странный пояс, пряжка никак не застегивается...

Цин Сюй постучала в дверь:

— Показать?

Она долго рассматривала ремень. Затем нагнулась и помогла продеть его в петли брюк. Янь Минъюй, придерживая края рубашки, смотрела на сосредоточенное лицо Цин Сюй и чувствовала неловкость.

Никто раньше не заботился о ней так внимательно. Даже с мамой она с детства была самостоятельной, зная, как та устает на работе, и стараясь не обременять её бытовыми мелочами.

Но с начала учебного года они с Цин Сюй постоянно вместе: едят, спят, проводят всё свободное время. Мягкий голос Цин Сюй, её ласковый взгляд — всё это врачевало душевные раны Янь Минъюй, заставляя её невольно тянуться к этому теплу.

Янь Минъюй вдруг заметила маленькую родинку на переносице Цин Сюй, которая придавала её нежным чертам лица капельку озорства. Красивая. Светлая кожа, высокий нос, миндалевидные глаза, четкая линия подбородка, выдающая твердый характер.

— Готово.

Раздался щелчок пряжки. Цин Сюй выпрямилась и встретила взглядом с Янь Минъюй.

— Что такое?

Янь Минъюй очнулась, чувствуя, как лицо заливают краска, и пробормотала:

— Н-ничего, просто не знала, как застегивать...

— Вот так, перекидываешь через... а потом сюда...

Цин Сюй терпеливо показала еще раз:

— Поняла?

Янь Минъюй закивала, опустила края рубашки, скрыв пояс.

— Поняла, спасибо, сестренка.

— Хорошо, тогда умывайся, поздно уже.

Цин Сюй отступила назад и прикрыла дверь.

Янь Минъюй глубоко вздохнула, включила горячую воду и подставила руки под теплые струи. Сердце, до этого беспокойно стучавшее, наконец успокоилось.

Дождь то усиливался, то затихал, ночной ветер стал тише, не тревожа сон детей.

Начинался новый день.

<http://bllate.org/book/18854/1838541>